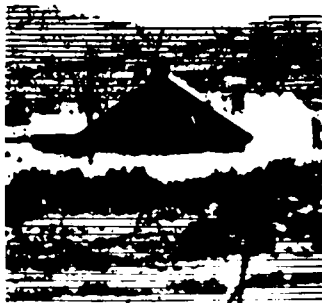

Виктор Коротаяев

ТРЕТИЙ ГУДОК

СТИХИ
И ПОЭМА

— 1084710 —

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1987

СТИХИ

* * *

Страшно бывает заснуть.
Вновь,
Нависая над снами,
Опустошительный путь
С воем
Клубится за нами.
Что там взывает — тоска?
Или рыдает — измена?
Тянется шрам от виска
Вплоть до седьмого колена.
Пепел и стон
Над страной,
Дымное пекло
Восхода...
Валом
Война за войной —
Чечь и проклятие
Рода.
Мерзлое тело
В петле,
Ворога
След на крылечке.
Старые вои —
В земле,
Новые —
Грудой на печке.
Сёлы и озими —
В пух,
Гнилью
Несет от колодца.

Лишь не сгибается
Дух
И никогда
Не согнется.
В этом опора
И суть!
Но все равно —
Через вечер —
Страшно бывает
Заснуть.
И просыпаться
Не легче.

Приезжаю в родную столицу,
Норовлю угодить к сентябрю.
Как на чудо — заморскую птицу,
На столицу
Все чаще смотрю.
Почитай что со всех континентов —
И попробуй возьми удержи —
Птицы райские
В виде студентов
Заселяют ее этажи.
Вдруг заходят по улицам павы:
Туалеты!
Разрезы!
Замки!
И такие проявятся нравы,
Забурлят, как в котле, языки!
А красавицы хрупки, как дети,
И нечаянный выронишь вздох:
Неужели
Сквозь горлышки эти
Пролезает российский горох?
Но щебечут и крыльями машут
И, порхая, летят на урок.
Значит, им не во вред
Наши каши
И пшеничные зернышки
Впрок.
А воробушки все
И синички,
Перекрасившись тут же легко,
Тоже смотрят,

Как райские птички...
Только нашим до тех —
Далеко.
Наглядевшись на эти потуги,
Я глупышкам советую:
Впредь
Хоть не вздумайте, чудо-подруги,
С африканского голоса петь.
А когда, наконец,
Из столицы
Отправляюсь
В провинцию я —
Лишь какие-то грустные птицы
Провожают молчаньем меня.

• • •

Тяжелый снегопад
Прорвал небесный свод.
Который день подряд
Бессменно снег идет.
И чудится душе:
Бездушен и бескрыл,
Он прошлое уже
Твое похоронил.
И вроде без помех
Он завалить готов
И будущее
Всех
Народов и веков;
Освободить от мук
И горестей земных,
Чтоб не осталось вдруг
И памяти о них.
А может, эта месть
Замыслена давно?
А может,
                    в этом есть
И впрямь
Свое зерно?
Тогда с чего же грусть,
И столь горяч ответ:
От мук прошедших —
  пусть,
А от грядущих —
  нет!

* * *

Думал, нет ни знакомых, ни близких.
Думал, вновь обречен на тоску.
Но неожиданно
В горах киммерийских
Раздалось,
Защемило —
«Ку-ку».

Как призыв,
Как привет
И утеха,
Остальные глуша голоса.
И ущелья
Ответили эхом.
Чистым эхом.
Как наши леса.

Значит, шляясь в горах
И рискуя,
Не печась о стабильном тепле,
Не один,
Не один я кукую
И тоскую
На этой земле.

И еще, поднатужась,
Пожалуй,
Что-то сделать смогу
На веку,
Лишь бы всюду меня провожало
И встречало родное — «ку-ку».

* * *

За чаем, горячим и вкусным,
В протопленном к ночи дому,
Быть может, немножечко грустно...
Но так хорошо
Одному.

Шумят под окошком рябины.
Никто их не слышит,
Никто...
Быть может, немножко обидно,
Но как же спокойно
Зато!

Ты где-то далёко-далёко
В своей обжитой стороне.
А вдруг и тебе
Одиноко...

Но так ли прекрасно,
Как мне?

Оставь меня в моем ненастье.
Не тронь.
Какой тебе барыш...
Своим наигранным участием
Ты только боль усугубишь.
Я сам пройду через ухабы
Ожесточившейся судьбы.
Не будь моим врагом хотя бы,
Коль не сумела другом быть.
Мне без тебя хватило боли.
Давно, ослабленно дыша,
На посторонние побои
Не реагирует душа.
Не похваляюсь синяками,
Не ворошу былую страсть...
Но лишь на твой прощальный камень
Душа еще отозвалась.
Да, ты теперь стоишь на взлете
И совершишь, конечно, взлет.
А возвращать меня к работе
Другая женщина придет.
Чем отдарюсь,
Когда на деле
В моей беспесенной судьбе
Свирельных
Было три недели,
И те подарены —
Тебе!

Утрачена уютность отношений —
И неизбежно
Меркнет все в дому.
И потому
Жена не хорошеет,
И муж дурнеет, видно,
Потому.

Цветы на подоконнике
Хиреют,
И мебель
Потеряла прежний вид.
И кот глядит
Пугливей и старее
И все удрать куда-то
Норовит.

А в остальном,
Пожалуй, все на месте:
И газ горит,
И краны не текут.
Вот только
Ни в какую
Дочь-невеста
Не хочет
Обосновываться
Тут...

Куда от правды убежишь,
Когда преследует сознание:
Не получилась
Наша жизнь,
А получилось
Расставание.
Все это даже не разлад,
Скорее горькая расплата.
Никто ни в чем не виноват,
И время здесь не виновато.
Оно веками нам долбит
Не раз доказанную пропись:
Любая трещинка
В любви
С годами
Вырастает в пропасть.
Не повернуть движенья вспять
Уже разверзнутой породы.
А все сначала начинать —
Не те, как говорится,
Годы.
Я, как крестьянин, обнищал,
Что по своей же доброй воле
Весь урожай
Тебе отдал,
А сам остался
С голым полем.
И для кого страшной беда,
Что ты, с кем пройдено немало,
Желанной будучи всегда,
Необходимую не стала.

• • •

Как это вышло? Как случилось это?
Ведь я же на тебе поставил крест.
Но долго отдаляются предметы,
Утратившие — будто б — интерес...
И, не умея надвое делиться
И не желая выглядеть смешным,
Я ждал отъезда,
Чтоб не тяготиться
Вниманьем
И присутствием твоим.
Но километры,
Прошое придвинув
И память обнажая до конца,
Обдули пыль
И сняли паутину
С прекрасного
И милого лица.
И мир опять разумно-бесконечен
В мельчайших проявлениях бытия.
И руки,
Прилетевшие на плечи,
Единственны и преданны,
И я,
Для веры просыпаясь понемногу
И о былых потерях не скорбя,
Благословляю
Дальнюю дорогу
За то,
Что возвратила мне
Тебя.

Не ревнуй меня, не надо,
Зря души не бережи.
Тихий шелест листопада
Просыпается в груди.
Просыпается в окошке
Запоздалый огонек,
И мельканье
По дорожке
Молодых и стройных
Ног...
Обнимались,
Миловались,
Отрывались от земли,
Провожались,
Расставались —
И расстаться не могли.
Все горело и звенело,
Не хотело больших благ,
Пело тело,
Молодело
И не старилось никак.
Ах, какие были ночи —
Золотой рябины кисть.
Ты, пожалуйста, не очень
В эти ноченьки
Косись.
За любовь людей не судят,
Ты, хорошая, пойми.
И у нас с тобою будет
Все, как должно меж людьми.

Для меня ж пора настала
Через местную печать
Попрощаться
С песней старой,
Чтобы новую начать...

СВИНСТВО

(Из давних воспоминаний)

Мы тихо двигались к опушке,
Где нам мерещились волнушки.

Но вышло с хрюканьем из лѣсу
Под семь пудов живого весу.

Мороз ударил в наши спины
При виде этакой скотины.

И мы, тикая прочь и дале,
Вовсю родителям пеняли:

Мол, навывращивали сала,
Что и в лесу житья не стало.

ОХОТНИЧЬИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Надвигается суббота,
Открывается охота.

Упраздняю карандаш,
Набиваю патронташ.

Ох, наверно, плохо спят
Нынче выводки утят.

Ох, дурные видят сны
Птички здешней стороны.

И вороны заодно
Богу молятся давно.

Даже куры, как дворяне,
Составляют завещанье.

Только я один спокоен,
Потому — бывалый воин.

Перед тем, как выйти в путь,
Я решаю отдохнуть:

Завтра будет у меня
Много дыма и огня.

* * *

Нет больше сил. Все вытянуло время.
Не вскидывая гордо головы,
Последнее
Бросаю в землю семя,
Но восхода не дожидаться мне —
Увы!

И пусть мой голос кажется унылым,
Печаль моя
Бесплодна не совсем:
Я помню,
Для чего я тратил силы,
И знаю,
Что я сеял —
И зачем.

ВОТ ТАК...

Я подобрал больную птицу,
Упратал в тихий сеновал,
Добыл отборную пшеницу,
Росинок утренних
Набрал.
Создав запас червей и мошек,
Не замыкая на засов,
Я оградил ее от кошек
И от ночных
Голодных псов,
Надеясь рано или поздно
За все старания свои
Услышать
Рвущуюся к звездам
Песнь воскрешенья
И любви.
Но, став хозяйкой сеновала,
Моя зазноба,
Между тем,
Лишь хвост
Победно поднимала,
А петь
Забросила совсем.
И на попытки всеблагие
На верный путь
Ее вернуть
Заверещала, не впервые
Пытаясь даже
Долбануть.
И я, похоже,
Вдруг очнулся.

И стало жаль
Погибших сил.
Назад, подумав,
Оглянулся
И понял,
Что — перекормил...

* * *

Памяти Сергея Чухина

Опять мы хороним поэта
И горькую теплим свечу.
«За что наказание это?» —
Бессвязно,
Бессильно шепчу.

И пристально
Кто-то
С пригорка
В меня
Сквозь ненастную грусть
Все смотрит
Пытливо и зорко,
Как будто я смерти боюсь.

Не знаю,
Кто раньше, кто позже
Познает сию благодать,
Но прежде-то времени
Все же
Нельзя
Ни жалеть,
Ни пугать

* * *

Пролетели весенние воды...
Но вздохнула и дрогнула высь,
Распахнулись небесные своды
И во всей своей славе
Зажглись.
И при этом наполненном свете,
Что объял и леса, и поля,
Стало только тревожно-заметней,
Сколь хрупка и ранима земля.
Эти ольхи у пыльных обочин,
Этот скрывшийся в ветках солист...
Вдруг покажется:
Свистни погромче —
И, пожухнув, осыплется лист.
Потому-то и радуюсь снова
Каждой травке, росинке, лучу...
И Отчизне
Заветное слово,
Словно милой,
С любовью шепчу.

Учитель нас нацеливал не так.
Рожденный, так сказать, слугой момента,
Он не был недотепа и простака,
Но мало было в нем
Интеллекта.

Он рано покидал свою кровать
И торопил нас действовать скорее,
Но обучал
Копаться и копать
И не учил
Парить и гордо реять.

Он отдавал питомцам все, что мог,—
И хлеб, и соль,
И вырезку говяжьёю.
Но всю основу видел
В мышцах ног,
Естественно считая крылья —
Блажью.

На нас угробив множество годов,
Он все же вызывает в сердце
Жалость:
Ведь он всю жизнь
Выращивал кротов,
Орлы ж — наперекор ему
Рождались.

ВЗГЛЯД

Это что за угрюмая сила
В непроглядных
Бездомных глазах?
Могут, кажется,
Сдвинуть светила
Иль развеять Вселенную
В прах.
Как внезапно,
Зловеще
И грозно
Возникают они на пути.
Содрогнусь
И невольно замерзну
И весь день
Не могу отойти.
И чтоб как-то развеять химеру
Те ищу — голубиные — вновь,
Что несут человечеству
Веру,
И надежду,
И мир,
И любовь.

В БОЛЬНИЦЕ

Среди притершихся понятий
Одним особо дорожу:
Что в общей, так сказать,
Палате
С народом собственным
Лежу.
Что ем одну и ту же кашу,
Жую лечебную траву
И санитарку тетю Машу
Мамашей
Запросто зову.
И позволяю прыскать сдуру
В себя
Любую муть и ржу,
Хоть эскулапов
Диктатуру
С большим трудом
Переношу.
Но заодно с другими
Все же
Храню вполне лояльный вид,
Прикинув:
Если не поможет,
То, может быть,
Не повредит...
И мне, признаться, даже лестно,
Когда,
Подняв навстречу взгляд,
И доверительно,
И честно
Мои соседи

Говорят:
«Одни ж мечты
В душе лелеем,
Всю жизнь горим
Одним огнем,
Одними болями
Болеем,
Ну, и —
Надеждами живем».

Вот и все: обезлюдели скверы...
На последнем своем рубеже
Для души,
Для опоры
И веры
Никого
Не найду я уже.

А давно ли весенние грозы
Вызревали в прогретой тиши.
И сшибались
Восторги и слезы,
Чтобы сделаться
Частью души.

Не удержишь мгновений счастливых,
Хоть соблазн
И стремление есть,
Как едва ль
На очнувшихся ивах
Помешаешь
Сережкам отцвесть.

Не согнут
И не сломят потери,
Не совьют
Безнадежья в груди.
Только б верить!
Хоть слабо, но верить,
Что последний рубеж —
Впереди.

Не вымолить большего блага,
Не выдумать лучшего дня.
Такая хорошая тяга
Сегодня в печи у меня!
На улице славно морозит,
Уже запевают столбы.
Почти что со свистом
Выносит
Вчерашний угар
Из избы.
Горит под рукою бумага,
И жарко лицу от огня.
Такая хорошая тяга
Сегодня в груди
У меня.
Плотнее притворены двери,
И ровно гудят кругляши,
И тяжкий угар
Недоверья
Выносит
Из самой души.
И я в одиночестве этом,
Не чувствуя ранних седин,
Со всем размахнувшимся светом
Толкую
Один на один.
И чувством взаимного братства
Мы оба полны потому —
Надеемся дотолковаться
Во благо и мне, и ему.

* * *

Желаю дерзости друзьям,
И сам покоя
Не приемлю,
Пока то здесь,
То снова там
Потряхивает нашу землю.
Пока уходят мужики
От им предписанной юдоли,
А колорадские жуки
Бесчинствуют
На русском поле.
Пока на несколько фронтов
Ведем открытые сраженья,
А сами
Больше ста годов
Не выьемся из окруженья.
Все напряженной жизни ход,
Уже усталость —

слишком явно —

Себя почувствовать дает,
А о покое думать рано.
И рано
С легкостью девиц,
Давно живущих без оглядки,
Комплект холщовых рукавиц
Менять
На белые перчатки.
Нам луг косить
И грунт носить,
Блуждать в чапыге и тумане
И вдоволь грязи помесить,

Пока она асфальтом станет.
Еще не сломлены враги,
Поля забытые —
В бурьяне,
И не снимают сапоги
Опять солдаты да крестьяне.

Словно где-то брякает уздечка,
Свежим звуком
Сосны налились.
Луг звенит,
Названивает речка,
И слегка позванивает
Высь.

Но под эти благостные звоны,
Раздирая память на куски,
На меня
Накатывают волны
Ледяной печали
И тоски.

Неужели снова от сознания,
Что на стыках
Будущих орбит
Никакой кудесник
Мирозданья
Этих звуков
Нам не повторит?

Не случайно душит боль и жалость:
Не велик,
Не вечен шар земной.
Все однажды, кажется,
Случалось.
Даже, может статья,
И со мной.

Сияющий зенит,
Планирующий лист...
А время
Так летит,
Что даже слышен
Свист.
И в грохоте машин
Настырней с каждым днем
Мы так за ним спешим!
И все же
Отстаем...
Не мельтеши, мой друг,
Не подпускай недуг,
Не покладая рук
Черти, черти свой круг.
Расти заветный плод,
И — глубже,
Глубже пласт.
Знай:
Что оно возьмет,
Того уж не отдаст.
Поэтому спеши,
Не зарься на гроши.
Паши, паши, паши,
Но с толком
Для души.
Ведь время для того
И кличет нас, трубя.
Ты береги
Его.
И — не жалей
Себя.

Газетчики районного масштаба
Не потрясали мировых основ,
Но расчихвостить
Местного прораба
Им доставало
Храбрости и слов.
Им, убежденным недругам еляя,
Когда сжигало горечью нутро,
Хватало сил
На птиц и покрупнее
Поднять
Непримиримое перо.
И пусть о них пускали злые слухи
И на орехи доставалось — пусть.
Зато правдолюбивые старухи
Их псевдонимы
Знали наизусть.
И в этой жизни,
Терпкой и соленой,
Не склочник,
Не наушник и фискал —
Униженный,
А паче — оскорбленный
Защиты у газетчиков
Искал.
Одолевая хляби и ухабы,
Спеша на голос боли и нужды,
Газетчики районного масштаба
Вселенской скорби
Были не чужды.
И пусть не далеко слышна их лира,

Но пламень
Не угас и не утих.
И сотворенье
Праведного мира
Вершилось
И вершится
Не без них.

ИЗ ОТПУСКА

Не судите,
Усталые реки,
Не взыщите,
Луга и леса.
Уезжаю от вас
Не навеки,
Но уже —
Через четверть часа.
В дымный город коробок и клеток,
Что порою как пьяный купец:
Он купает собак,
Словно деток,
И деревья стрижет,
Как овец.
Вот сейчас
По гремучей железке
Налетит грозовая броня,
И свистком,
Недовольным и резким,
Словно плеткой,
Огреет меня.
И погонит,
Погонит,
Погонит
Раскаленной дорогой стальной,
И уже в многолюдном вагоне
Растеряю я запах лесной.
Но вожмусь
В отпускные одежды,
Заглушу набежавшую грусть
Дорогой,

Золотою надеждой,
Что сюда через годик
Вернусь;
Как приеду
И выпадут сразу
В тишину августовского дня.
Если свежие дымы и газы
До того
Не удушат меня...

* * *

Не вся седина — серебро,
И дружба не всякая — золото...
По младости
Зло и добро
Беспечно
Я путал когда-то.

Теперь не боюсь посмотреть
На тучи, что ходят кругами,
Поскольку
Родимая твердь
Давно не дрожит
Под ногами.

Пусть лупит судьба под ребро.
У нас
Наконец-то,
Похоже,
Такое в кудрях
Серебро,
Что всякого злата
Дороже.

* * *

То нервы, наверно, ослабли...
Но в гулкий старинный ушат
Сорвутся с карниза
Две капли —
И на день меня
Оглушат.
Иль, выискав щелку в оконце,
Пронзив намерзающий лед,
Звезда в переносье упрется —
И сон
До утра
Не придет.
А за полночь,
Как голодранца,
Погонит сквозь мрак
Без пальто...
И я не могу доискаться
И ясно ответить:
За что?
И рвет-разрывает на части
Какой-нибудь скрип у дверей...

Но господи!
Сколько же счастья
В непознанной муке моей...

СТИХИЯ

Опять навалилось,
Напёрло,
Как будто зажало меж глыб —
И густо пошел через горло
Какой-то запёкшийся хрип.
И вместо того, чтоб убраться,
Не путаться,
Не голосить —
Одни принялись
Возмущаться,
Другие —
Прощенья просить.
Я вовсе на вас не в обиде,
Но ради святого всего
Уйдите,
Уйдите,
Уйдите,
Оставьте меня
Одного.
Не надобно
Дергать усами,
Намеренно
Двигаться вспять...
Побудьте,
Побудьте друзьями,
Врагами успеете стать.
Вам не было пресно и тесно
Ни в сердце моем,
Ни в дому.
Но вот не оставила места
Стихия уже никому.

Ее необузданной воле
Неведомы жалость и такт.
Свое здесь
Магнитное поле
И свой
Непременный диктат.
Стихии брожение
И жжение...
Приемлемей небытие,
Позорнейшее поражение,
Чем вдруг —
Равнодушие ее...

В редкие минуты озаренья
Я увижу Родину свою
Всю
В небесно-синем оперенье
Словно бы у счастья на краю.
Гордую —
Под солнцем и луною,
Смелую —
Хоть вьюга, хоть гроза.
Вновь понижут звездной глубиной
Чистые озерные глаза.
Родниковый голос
Над вечерней
Ширью
Прозвучит как вечный зов.
Полыхнут
Серебряною чернью
Крылья распростершихся лесов.
А восход поутру над болотом
Как займется — господи спаси!
Гулко застучит перед полетом
Сердце неумное Руси.
И она посмотрит синеоко,
И, увидев,
Как простор открыт,
Над холмом
Поднимется высоко,
И собою землю озарит.
...Но такие редки озаренья.
Чаще вижу:
Меркнет бирюза,

Вновь из крыльев
Выдирают перья,
Вновь мутят
Озерные глаза.
Я давно живу в глухой обиде
И сына жалею наперед:
Мне хоть это
Выпало увидеть,
А вот что ему
Перепадет?..

Отбили всякую охоту
Косить,
Копнить
И веять рожь,
Поскольку
Только на работу
Крестьянский праздник
Стал похож.
Отбили всякое желанье
Чинить гармонь
И гладить клеш,
Поскольку
Всякое гулянье
На пьянку
Смахивает все ж.
Убили всякую надежду
На возвратимость лучших дней...
Уже не быть тому, что прежде:
Пусть хуже,
Но зато — новей.
Не зря ржавеют листья в кронах
И пахнет плесенью в дому.

А то, что вроде нет виновных —
Не легче сердцу
И уму.

НАПОМИНАНИЕ

Не сдержат и не спрятат обиду:
Постарели солдаты мои,
И не то чтобы с внешнего виду,
А по сути,
По духу,
Крови.
Полусмята, как вата,
Походка,
Наждачок
Не сквозит между фраз,
И отнюдь не старшинская
Глотка,
И далёко не снайперский
Глаз.
Уж не тянет к походам и маршам,
Нет позыва
Рвануть на таран.
Мол, вполне соответствуют старшим
Телевизор
И мягкий диван.
Никуда, мол, не деться от правды:
Нам никто не позволит опять
Открывать
Войсковые парады
И баталий исходы
Решать.
...Позволенья солдаты просили
Лишь у Главных могил, может быть,
До конца
И на благо России
По душе

И по чести служить.
Нынче робость, похоже,
Не в новость.
Добивает сложившийся быт.
Но бунтует
Солдатская совесть,
И солдатская память
Болит.
Не совсем же растрочена гордость,
Не забыт же
Бойцовский наказ:
Нас не спишет никто
За негодность
И никто
Не уволит в запас.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗАПОЛЯРЬЕ

Всяко во солдатиках живали.
В частности, скажу,
И вообще.
Травок
Месяцами не жевали,
Но зато перловки
Али щей —
Этого поели,
Похлебали.

Не боялись никаких клещей.
Потому и песни распевали
И вприсядку
С посвистом плясали,
Ибо никаких
Тряпков-вещей
Мы тогда
Совсем не признавали.

Родина —
Вот главная звезда.
Армия —
Вот первая забота.
И вскипала по тревоге рота,
Сóколов пуская из гнезда.
И такого легкого полета
Позже не случалось никогда.

Лейтенант, бывало, крикнет:
«Взвод!» —
Мы уже сомкнулись,

Подобрались,
Сильные и смелые
На зависть,
И готовы броситься
Вперед.

А ведь за Полярным этим кругом,
Как мы сразу выяснили с другом,
Воздух
Был изрядно
Разрежён,
Напружинен
И насторожен.
Только нам и горя было мало,
Что такого,
С привкусом металла,—
И его частенько
Не хватало.

Но признанья эти
Не для жен.

А еще бывало — сквозь оконце,
Как скупой бухгалтер-инвалид,
Только три луча
Отпустит солнце,
Да и то один
Не долетит.

И живи,
И радуйся,
И грейся,
Экономь энергию в груди,
И гляди
Вдоль тающего рельса,

Но не к мамке в сторону
Гляди.

А туда,
Где сквозь густую морось
Смотрят на тебя —
Уже в упор —
Или слава вечная
И доблесть,
Или
Несмываемый позор.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Собирался столько лет
Освежить воспоминанья...
Наконец купил билет
И поехал на свиданье
Со своею боевой
Галифешной,
Залихватской,
Уставной
И строевой
Терпкой
Юностью солдатской.
Вновь удачно миновал
Приполярные болота
И влетел на перевал,
Где стояла
Наша рота.
Где среди ночных снегов
Было жарко и морозно,
А от кованых шагов
Аж подрагивали звезды.
Тут я с ломиком в руках
Проявлял свои таланты
И, представьте,
Кое-как
Даже выбился
В сержанты.
Как же снова не пройтись
По напрягшимся казармам,
Где теперь
Былую жизнь
Видишь
Чуть не лучезарной...

Но плохí мои дела
И плачевно положенье:
Часть снялась
И отбыла
В неизвестном направленье.
И не может мне помочь
Командир, слегка суровый,
Что всего седьмую ночь
С войском
Здесь расквартирован.
«Да... Такие вот дела,—
Повторяю то и дело,—
Девятнадцать лет ждала,
Трех недель
Недотерпела...»
Вот и ешь такой кулеш
И держи себя на нерве.
Полк уходит
На рубеж,
Оставляя нас
В резерве.
А хотелось лишний раз
Утвердиться,
Убедиться,
Что и вышедший в запас
Для рывка
Еще годится.
Ну, не вышло.
Не беда.
Лишь бы знамя,
Как всегда,
Билось гордо и упруго.
И пускай шумят года.
Коль появится нужда,—
Мы всегда
Найдем друг друга.

Меня ночами будит дальний выстрел
И слезы прозорливых матерей:
Расстреливают снова коммунистов
В глухих застенках памяти моей.
И хлеба дожидается за дверью
Сиротство недоверчивых ребят,
И нервы,
Как корявые деревья,
Качаются
И траурно скрипят.
Но злаков не забьют чертополохи,
Шатающихся стен
Не скрепит воск.
Вновь
В угловатом черепе эпохи
Разбуженно
Ворочается мозг.
И, выбравшись на новые орбиты,
Он с честностью судьи
Еще при нас
Поднимет
Незаслуженно забытых,
А заслуживших —
Вечности предаст.
Пока ж за кровь невинную и стоны
Земля нам зло и хладнокровно мстит,
В часы забвенья
Подставляя склоны,
Закапанные звездами гвоздик.

ПЕРЕПОДГОТОВКА

В назначенные месяцы и числа
Повесткою в погоночный формат
Напоминает мне военкомат
О том, что не забыт я
И не списан.
Скрепляет,
Отметая кривотолки,
Умея по-особому звучать,
Его беспрекословная печать
Слова
О неснимающемся долге.
Чтоб, часом,
Повседневным делом занят,
Я не забыл,
Кружась и колеся,
О том,
Что Государственное знамя
И прежде,
И превыше
Всех и вся.
И снова нас подхватывает тряский
Казарменный
Невыветренный быт,
И карта полушарий
Под указкой
Басистого полковника
Горит.
И вновь заведены бронемашины,
И поднимают выхлопы метель,
И установку
Штатские мужчины

Наводят
На засеченную цель.
А к вечеру
Подрагивают руки
И воспаленно щурятся глаза,
Хотя с известной помощью науки
Произведен
Всего условный залп.
Темнеют вороненой сталью
Елки,
Дымится снег,
И думает солдат,
Что все-таки не зря
О главном долге
Напоминает нам
Военкомат.

НЕДАВНИЕ ЗАБОТЫ

Оббиваем плитою стены,
Деревенскую крепим жизнь:
Слишком грозные перемены
В нашем климате
Начались.
Сам июнь к середине вышел,
А такой разразился град —
Дефицитный шифер
На крышах
Перебило
У всех подряд.
Слитки чуть не по килограмму...
Как, скажи мне, ученый зять,
Продовольственную программу
При поддержке такой
Решать?..
Но не весь урожай порушен.
Переможем, врагам назло.
Нам не выстудить только б души,
Удержать бы в домах тепло...
Потому,
Учась у народа,
Не храпим с зари до зари,
Не надеемся на погоду —
Утепляемся изнутри!

* * *

Здесь труднопроходимые места:
Бочажины у каждого куста,
Болотина и топь, что ни верста...
Действительно тяжелые места.

Но тащимся — телегой и пешком,
Кто с грязным чемоданом,
Кто с мешком,
То волоком,
То юзом,
То шажком —
Не важно:
Без брюшка или с брюшком.

А рядом понаделаны пути,
Где легче и проехать и пройти.
В конце концов, рублевку заплати,
Перекубыльнись в кузов —
И кати.

Так нет!
Нам надо все одолевать,
То штурмовать,
То брать за пядью пядь.
Пусть триста раз
Не к месту вспомнить мать,
Но превозмочь
И ямину,
И гать.

Когда мы только станем поумней...
Все напрямик!
Без броду и огней...
Но внушено
Почти что с первых дней,
Что так по-русски,
Стало быть,— верней...

Пусть будет все:
Неправый суд,
И рев земной,
И гром небесный —
Благослови меня на труд,
На труд, решительный и честный.
Давно гудит земная твердь,
И надо —
Словно я в ответе —
Глаза соседу протереть,
Чтоб видел мир
В реальном свете.
И сор из дому вымести прочь,
Не посрамив при том мундира,
И другу выбратся помочь
Из-под насевшего кумира.
Благослови меня на труд,
На труд, решительный и честный.
Пусть будет путь
Суров и крут
И результаты неизвестны.
Но лишь бы твердо знать:
Когда,
Опричь апостолов науки,
Была в работниках нужда —
Я не слонялся
Руки в брюки...

* * *

Грело солнышко, да село,
Было ведро,
Да прошло.
Не впервой такое дело,
Не стони,
Что тяжело.
Пусть не все в природе складно;
Мир поставлен на ребро.
Сердце вынесло —
И ладно,
Ум не лопнул —
И добро.
Даже в самой ровной жизни
Предначертаны тычки,
Неизбежны катаклизмы,
Обязательны толчки.
Вам бы все красиво-мило,
В синеве бы даль и высь,
Вечно б солнышко светило,
Да и ласточки вились...

«Неперспективная» деревня
Стоит
Над вечною рекой.
Шумят
Столетние деревья,
Скворчиный слышен непокой.
Сверкают стеклами жилища,
Гогочут гуси под мостом,
И тянет
С близкого кладбища
Свежепокращенным крестом.
Снуют над яблонями пчелы,
Исходят медом лепестки,
И размахнувшиеся доли
Почти дуреют от тоски.
А там, поодаль, чуть левее,
«Бесперспективное» село.
В башку какому дуралею
Название дикое взбрело?
Ведь на завалинках
Старухи
Ведут привычный пересуд.
И — хоть не частые, —
Но внуки
Вокруг горланят и снуют.
Пугают куриц у забора,
Телка
С лужайки гонят прочь.
И с заревой рыбалки
Скоро
Грозятся щуку приволочь.

Шумят,
Беспечны и наивны,
Покорных тискают котят.
И что они
Неперспективны —
Ни знать,
Ни верить
Не хотят.

* * *

Смою шлак високосного года
И, не помня обиды и зла,
Погоржусь наконец,
Что природа
Мне достаточно силы
Дала,
Чтобы старый недуг
Пересилить
И,
Горя постаревшим лицом,
В боевых батальонах России
Не последним остаться бойцом;
Приготовиться к ветрам зловещим,
Темным тучам
И ломкому льду...

Их
Конечно же
Будет не меньше
В наступающем этом
Году.

УХАРЬ

Прикатил на ретивой машине,
Закатил
Сногшибательный стол.
Вроде как бы с гранитной вершины
До болотных низин
Снизошел.
Ни беды не боясь,
Ни позору,
Весь от брюха по ноздри
В шерсти,
Загулял
В сенокосную пору,
И ему —
Хоть трава не расти.
Усмехаясь на охи и ахи,
Без руля
И почти без ветрил
По деревне
Уже без рубахи
И без майки,
Срамник,
Заходил.
Мужиков
В родовую домину
Заманил,
Напоил без труда:
Ведь охотников
На дармовщину
Разговеться
Хватает всегда.
И — пошло,

Задымилось в стакане,
Разошелся,
Развился народ:
Кто кого перепьет,
Перетянет,
Перепляшет
И переорет.
И напрасно старухи
Косились,
Поднимали супружницы
Грай —
Пропадай,
Недоубранный силос,
И несметанный стог,
Пропадай.
И чтоб эту
Погодную пору
Не пропеть от зари
До зари,—
Запирай, председатель,
Контору
И с бухгалтером
Грабли бери.
Потому как ни нынче,
Ни завтра —
Хоть и кошки скребут на душе —
Ты за острой нехваткою
Кадров
Не прогонишь
Своих алкашей.
Ведь усвоили эти подлюги,
Что сегодня они — на коне,
И свои
Дефицитные руки
Поднимают все выше
В цене.

Ибо в страдные дни,
Как нарочно,
На рыбалку,
На гриб,
На пикник
Не работник спешит,
Не помощник,
А сплошной —

да хмельной! —

отпускник.

Вот и этот явился
Без зова
И такую здесь выказал
Прыть,
Что за месяц
Из отчего крова
Ни вершка
Не успел починить.
И не зря
Вековая старуха
Рассудила
С позиций своих:
«Ай да ухарь,
Балбес о два уха.
Худо дран ты, Ванюха,
За них».
Только что пересуды Ванюхе?
А считай,
Что совсем — ничего!
Ни в одном
Не задержится ухе
Никакая хула
У него.
Он собрал напоследок
Манатки,
Скликнул снова дружков

Среди дня:
«Прощевайте покуда,
Ребятки,
Да гляди —
Не скучать у меня!»
Укатился
Порожний бочонок.
А — по чести да правде сказать,—
Так родитель вздохнул
Облегченно
И почти что не плакала
Мать.

То дождик нудит по неделе,
То ветры навалятся вдруг...
Глаза бы мои не глядели
На все,
Что творится
Вокруг.
На эти прокисшие пожни,
Над ними — болотную муть,
На этот,
Разбитый безбожно,
В тычках и колдобинах —
Путь.
А тучи ползут, как обозы
С предвестием близкой беды...
Лишь свет одинокой березы
Не гаснет у края воды.
Но чтобы развеять тревогу,
Тем более веру вселить —
Он выглядит
Слишком убого
И даже чудно,
Может быть...
И тянет поэтому, видно,
Прикрыть его,
Прямо сейчас,
Чтоб сам он,
Такой беззащитный,
До времени
Вдруг
Не угас.

* * *

Пошли ребята за грибами,
Побрякивая коробами.
Хитро глядят из-под кепчонок,
Баланду травят по пути,
Стремясь небдительных девчонок
Поглубже в чашу
Завести.
Кричат,
Свистят
В притворном страхе
Вослед подружкам молодым.
И переимчивые птахи
Уже подсвистывают им.
А девки в жизнь
Парням не могут
Спустить такую чепуху.
И первый ком
Под общий гогот
Уже катается
Во мху.
Но чтоб веселых ягодинок
Не подставлять
Под бабий суд,
Ребята,
Кончив поединок,
Грибы
Из собственных корзинок
В пустые —
Девичьи —
Кладут...

...А ты все тянешь,
Ты все тянешь,
Темнишь,
Юлишь,
Чего-то ждешь.
И на реку
Меня не манишь,
И в лес
Со мною не идешь.
Боишься, может, угрызений
Или хождений по ножу:
Ведь я тебя
В лесу осеннем
Опять нарочно
Заблужу.
Но ты же знаешь, молодица,
Но ты же видишь по глазам:
Чем дольше
Станем мы кружиться,
Тем веселее
Будет нам...

Такое утро затяжное
Меня зажало меж болот,
Что — хоть и веяло весною,—
Казалось:
Век не рассветет.
Висела мгла.
Молчали птицы.
Туман, заполнивший овраг,
Не собирался расходиться,
И не рассеивался мрак.
И, под давленьем чуждой силы,
Отодвигая свой приход,
Так долго
Солнце не всходило,
Что думалось —
И не взойдет.
Но не всеильны наважденья.
Лишь вечна жажда пробужденья.
И вот вздохнули облака,
И разрешило положенье
Неосторожное движенье
Воспрянувшего ветерка.
И все сломалось в одночасье.
Гроза развеяла ненастье,
И птицы взмыли тут и там.
И поле
Исходило страстью,
И утро
Думало о счастье,
И позволяло
Думать нам.

* * *

Ну полно, не плачь над судьбою,
Не прячь неприкаянных глаз:
Заносы,
Загибы,
Запой —
Ведь это
Не главное в нас.

Пусть ближний по-разному судит,
А мы усмехнемся легко.
Мы самые смертные люди,
И нам до святых
Далеко.

А главное —
Честно и смело,
Ценя благородную злость,
Мы бьемся
За правое дело.
И это зачтется,
Авось...

НА ГРАНИ

Г. П. Сеченикову

Отпевает тебя непогода,
Заливает водой колеи.
И далекий гудок парохода
Довершает
Несчастья твои.
Ветер бьется,
Скулит,
Неприкаян,
Листья палые
Гонит в овраг.
Все толкает тебя
И толкает
На последний
Отчаянный шаг.
Не взывай и не плачь:
Бесполезно.
Не коси забегающий глаз.
Ведь пока
Никому не известно,
Что в запасе
Осталось у нас.
Собери
Разоренные рати,
Освежись
Закипевшей волной —
И поверишь:
Тебя еще хватит,
Чтоб в беде
Поделиться
Со мной...

САМООБОРОНА

Давно открыта на меня охота.
Необходимо каждому узнать,
Чего принес
Из лесу и болота,
Куда на лето сбыл
Родную мать.
Я никого пока не трогал пальцем,
Но что же делать, милые, теперь?
Вы травите меня порой,
Как зайца,
Хоть я совсем иной породы зверь.
Не обессудьте,
Коли ошалею
И вашим ожиданиям вопреки
Вдруг походя
Сверну кому-то шею
Или всажу
Тяжелые клыки.
По совести живущим и закону,
Грешно нам погибать во цвете лет.
И все сойдет
За самооборону.
А в этом и неправды,
Кстати,—
Нет.

ОБЛЕПИХА

Памяти Василия Макаровича Шукшина

Полна печального значенья
Судьба подпершего плетень
Светлюбивого растенья,
Назло задвинутого в тень.
Чтоб, медоносное от роду,
Оно (нишкни и не перечь!)
Патлатым недругам в угоду
По жилам
Гнало
Вместо меду
Лишь разъедающую желчь.
Но рано праздновал победу
Самонадеянный упырь:
Листва
Сама
Пробилась к свету
И размахнулась
Во всю ширь.
И ничего,
Когда для деток
Иль объявившихся внучат
Под осень, сорванные с веток,
Немного ягоды
Горчат.
В них мера меда,
Доля перца.
Все есть в природе: свет и тьма.
Так сладость —
Пусть идет для сердца,
А та горчинка —
Для ума.

Недобрый попался старик.
Все шаврял в сенях башмаками
И молча ворочал белками,
Не смея сорваться
На крик.

Такой демонстрировал нрав,
Что падали навзничь
Ухваты.
Все были пред ним
Виноваты,
А он и пред господом —
Прав.

И все о себе, о себе:
Какая худая одёжа,
И баба
Такая же тоже,
И уйма прорех
В городьбе.

Пусть прожил всю жизнь
В шалаше,
При детях тверезых,
При деле.
Но пекся-то больше
О теле,
А было пора —
О душе...

Ты скажи-ка мне на милость,
Привередина судьба,
Ты почто остервенилась
И грызешь свово раба?
Хоть на шее
Камнем висни,
Хоть с размаху
Бей под дых —
Мне своей
Не жалко жизни,
Жалко
Детушек родных.
Так еще слабы
Их жилы,
А житье —
Нелегкий труд...
Коль при батьке
Не пожили,
Без него
Не поживут.
Дай-ко ты пресветлым душам
В беззаботности побыть,
Мятных пряников
Покушать,
В мягких шубках
Походить.
А потом,
Когда поставлю
Я ребяток на крыло —
Ты возьми кривую саблю
И вруби

В мое чело.
Пусть бежит она, густая,
Кровь
У неба на виду.
Я бесследно
Не растаю,
Безвозвратно
Не уйду.
Я паду
С высокой кручи,
Брошу ввысь
Прощальный взгляд:
А вверху,
Пронзая тучи,
Мои соколы
Летят!

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Когда шептались праведники глухо,
Когда бетон внедрялся
И металл,
Он колокольной мужества и духа
Под громами безбожников
Стоял.
У этих все в погляде,
Кроме дружбы.
Но было даже им
Не по плечу
Святылище
На собственные нужды
Свалить
И растаскать по кирпичу.
По-прежнему
По селам и предместьям
В хмельном апреле,
В стылом октябре
Колоколами совести и чести
Уснувшие
Будились на заре.
Немало жаркой крови потерял он
И вылезал не раз из-под копыт.
Мы созданы из нежных матерьялов,
А время
Даже камни не щадит.
И он не избежал обычной смерти,
Но не одни потери позади:
Призывно оживают на рассвете
Его колокола
У нас в груди.

Грозная политика силы.
Радио, газеты, кино.
Страшного обличья дебилы.
Ни просвета, вроде бы...
Но
Против надругательств и пыток,
Сдвинувшись,
Опять и опять
Люди протестуют открыто:
Значит, не хотят умирать.
Хлеб растят,
Беседуют в барах,
Бузотерят из-за идей,
Пестуют и малых,
И старых
И рожают
Новых детей.
Слух привык улавливать цепко,
Даже в состоянии сна,
Как во всех воинственных центрах
Жутко напряглась
Тишина.
Но на всех окраинах мира,
Не ленясь ни штопать, ни шить,
Люди
Говорят
О квартирах —
Значит,
Собираются
Жить!

ПИСЬМО НА ТУ СТОРОНУ

Не хочу в экономике рыться,
На досуге
Ты сам подытожь,
Много ль вышло на дúшу
Пшеницы,
Много ль нá душу пало
Калош.
Нет, и мы в облаках не витаем,
Но и жизни не сводим
К грошу.
Мне на день полбуханки хватает,
А галош
Я совсем не ношу.
И горжусь
Нашим сдержанным счастьем,
Презирающим всякий размен,
Что другою измерено страстью,
И с другими
Масштабами цен.
Обживая сырые каморки,
Постигали мы в пору страды
Счастье
С другом разделенной корки,
Пополам разделённой
Беды.
Отвергая расчетливость яро,
Наминая на рынках бока,
В магазин уцененных товаров
Мы любовь не сдавали пока.
Пусть в дому у нас
Тоже нехватки,

Но, спокойно идя на урон,
С одолжённой соседу
Десятки
Мы процентов
Опять не берем.
И тебе при работе успешной,
Открывающей новый простор,
Пропагандою красной, конечно,
Представляется мой разговор.
Ты сидишь,
Нафуфырен на зависть,
И покамест тебе невдомек,
Что сосед,
На торги отправляясь,
Зарядил
На тебя
Кошелек.

Москва поднимает кумира,
Трудясь, водружает на щит.
Над крышами древнего мира
Взнесенное имя

Парит.

«Смешно пробавляться вчерашним,—
Срамит нас ученый пырей,—
Глядите,
Какой он бесстрашный:
И ямб развалил,
И хорей».

А нам,

Из классической дали

Огни зажигая свои,

Хореи

Любить помогали,

А ямбы

Водили в бои.

К тому же — насилу жива,—

Как после безумного пира,

Еще от вчерашних кумиров

Шумит и трещит

Голова.

А ей, голове, как известно,

Любезна

Спокойная речь.

Давно

От излишеств словесных

Пора бы ее поберечь.

И пусть,

Забавляясь лирой,

Соря серпантинным дождем,
Москва
Поднимает
Кумира...

А мы
Принимать —
Подождем.

* * *

Забываясь о благе науки,
Мы все же за тысячу лет
Одели эмоции
В звуки,
Зато поскупились
На цвет.
Хоть утренних красок востока
Для сердца
Не меньше близки
И алое пламя
Восторга,
И черные ветры
Тоски.
Лицо побелевшего
Гнева,
Что инеем всходит
В крови,
И синее, синее небо
Мальчишеской
Первой любви.
Не раз я немел от удушья,
Системой почувствовав всей,
Как серая пыль
Равнодушья
Садится на лица
Друзей.
Я видел продавленность кресел
Под клетками сонных клестов,
Где скуки
Зеленая плесень
Уютно свивает гнездо.

И как —
ясноглаз и нечаян —

Сверкнет,
Незаметный сперва,
Сквозь желтые листья
Печали
Серебряный дождь
Озорства.
А если ни света,
Ни тени
Не вижу,
Ловя голоса,
То лишь потому,
Что у лени
Пусты
И бесцветны
Глаза.

Едва ли ты прожил излишек,
Крутясь,
А порой мельтеша,
Хоть с каждой зимою
Все тише
Себя проявляет
Душа.
Угрюм,
Угнетен
Или взвинчен,
А годы свои,
Как плоты,
Все тянешь,
Что малый буксирчик,
Пыхтя и тутукая, ты.
И где там подумать о славе,
О подвигах разных еще...
Инфаркт за кормою оставил?
Считай, что уже хорошо.
Но близость грядущего мая,
Но треск ослабевшего льда
Тяжелую кровь
Поднимают
И гонят
Незнамо куда.
Зачем ей, подумаешь, сила
И резвость в такие года?..

...Текла бы она
Да бурлила.
А выход найдется
Всегда...

* * *

Сполосну лицо в народной речи
Вслушаюсь в журчащую молву,
Забреду в нее
По самы плечи —
И легко и вольно .
Поплыву.

Зашумят вдали
Леса глухие,
Из-под ног
Уйдет куда-то дно.
И пойму я,
Что такой стихии
Никому
Осилить не дано.

Стану я бороться,
Да не с нею.
Вечной жажды
Век не утолю.
Но еще разумней
И сильнее
Родину и песню
Полюблю.

ДЕКАБРЬ 1982 ГОДА

Белый берег,
Черная вода,
Сиверок поталкивает в спину.
Я хочу
Запомнить навсегда
Эту черно-белую картину.

Девушка по белому идет,
Черная над ней летает птица.
Неужели
Трудный этот год
Графикой подобной
Завершится?

Ах, декабрь, слепарь и дуралей.
Видно, нет стыда перед народом.
Ты картинку
Мог повеселей
Подарить бы
Перед Новым годом.

Повалили белые снега
На стога
И голые луга,
На поля,
Холмы
И берега,
В колеи,
Овраги
И лога.
По макушку снегом замело
И поселок ближний,
И село,
На земле
Опять белым-бело,
Впереди
Опять светлым-светло.
Все, что угнетало или жгло,
Вдруг куда-то кануло,
Ушло,
И в крови забрезжило тепло,
И в душе как будто рассвело.
Что ж, в конце концов, произошло?
Может, бог поцеловал в чело?
Нет.
А просто горечь всю
И зло
Белым-белым снегом
Занесло.

В ПОСЕЛКЕ

От холодрыги
Выли
Лайки,
Трещали бревна у избы.
Зима закручивала гайки,
Да, видно,
Сорвала с резьбы.

Вдруг сразу как-то отпустило,
Смелей позволило вздохнуть...
Работавшая через силу,
Зима расслабилась чуть-чуть.

И тут же сброшенные шали
Темно повисли на стене.
Цветные шапки
Замелькали
И полетели
По лыжне.

У мастерских же, тем не мене,
Пригрета солнечным лучом,
Зима,
К ночной готовясь смене,
Гремела
Гаечным
Ключом.

Что-то беспокойно стало море...
Замечаю более того:
В несмолкаемом
Вселенском хоре
Самый угнетенный глас —
Его.
Или слишком много стало ветра,
Или вместе с временем лихим
Переполнены
Морские недра
Душами,
Погубленными им?
Только вижу,
Вскидывая руку,
Всматриваясь зорко в темноту,
Что ему
Сносить такую муку
Сделалось
Совсем невмоготу.
Потому оно гремит средь ночи,
Воет, как живое существо.
И уже не всем хватает мочи
Выносить
Страдания его.
И добро,
Хоть утреннее солнце,
Улыбаясь нам издалека,
Окунется в волнах,
Улыбнется
И чуток утешит старика.

* * *

Ну и сны являются со страху:
Снова хромоногий инвалид
Всю-то ночь
Смертельную рубаху
На меня
Старательно кроит.

И уже примеривает будто,
Подгоняя ловко
Под размер...

Но опять освобождает
Утро
От ночных кошмаров
И химер.

И на сердце
Вроде нету страха.
Только вот —
Знакомая на вид —
Новенькая
Белая рубаха
Надо мной —
распятая —
ВИСИТ...

Мать говорила: «Зря ты, парень, так
Расходуешь себя... Почти базаришь.
Где, кажется, излишен и пятак —
Ты походя двугривенный бросаешь».
А я махал рукой:
«Да ну их, пусть!
Подумаешь, нашла печаль и грусть...»

Что значат
Материнские слова,
Когда своя
Как тыква
Голова?!

Я не успел и охнуть,
Беспокоясь
Задать последний, может быть, вопрос,
Как подкатил неожиданно
Черный поезд,
Подмял ее,
Сграбастал
И унес.

Не радуюсь ни солнышку, ни маю,
Гляжу, как замороженный, вослед.
Теперь бы
Мне бы
Тот ее совет...
Но — поздно...
Все отныне понимаю.
По грошику ревниво собираю,
Хоть знаю, что не хватит на билет...

ГРЕШНИКИ

Раноставы-огольцы
Скачут и резвятся:
— Пробудились ли, отцы?
— Время пробуждаться!

Может, горница тесна
Для такой ватаги —
Вылезаем из-под сна,
Как из-под коряги.
Не разъять
Запльвших глаз,
Не раскрючить пальца.
Поглядел бы дикобраз —
Начал заикаться.

Но старшой, хрипя с утра,
Принял для начала
Холодянки полведра...
Вроде полегчало.
Помычал,
Спросил курить:
«Ну-ко, да-ко, Федя!

(Надо было разбудить
Экого медведя.)

Потоптался у дверей,
Почесал загривок,
Выскреб стружки из кудрей,
Усмехнулся криво.

И, вздохнув, сказал потом,
Вглядываясь в утро:
— Широко, братья, живем.
Не скажу, что — мудро.
Ливер надобно беречь! —
Говорит наука...

Буде старший держит речь,
Младшие —
Ни звука.
Но смекают:
Коль опять
Дóлги
Эти толки —
Всей бригаде не видать
Никакой похмелки.
Значит, в руки топоры,
И — долой гармошки,
Загибайтесь комары,
Пропадайте мошки.

— Ну, работнички,
Держись!
Про вино —
Ни слова,
Коли праведную жизнь
Утвердили снова.

Не шутя старшой сказал,
Накрутил онучи
И на самые глаза
Кепку нахлобучил.
И до самого темна
За складским сараем
Оглашалась тишина
Плотницким стараньем.

И подвел итог старшой
В том же самом стиле:
— Потрудились — на большой,
Пóтом грех отмыли!

И тогда сказали:
— Да! —
Все, кто свесил выю,
Словно больше никогда
Не послужат змию.

И порукою тому,
Озаряя берег,
Плыл
Сквозь непогодь и тьму
Завершенный
Терем.

Из-за герани на окне.
Ты выходи, как сядет солнышко,
Да покажи девичью статью.
Тебе уже совсем недолышко
Осталось в девках погулять».
Мать затихала среди комнаты,
Совала руки в рукава:
Ох, не ее слова запомнены —
Дружков усвоены слова.
Легко ли вынести сердцу матери,
Что от нее уходит сын?
Но дела не было приятелям,
Что он у матери —
Один.
А жизнь — трезва и поучительна, —
Сочтя недельки молодца,
Уже готовилась вручить ему
Через полгода
Роль отца...
Иной отсчет пришла пора начать,
Былому подведя итог.
А значит,
Вволюшку пображничать
Есть
Дополнительный предлог.
Привычки праздные наследуя,
Сынок надеялся:
Вот-вот
Та рюмка,
Самая последняя,
Под руку,
Может, попадет.
А нет бы глянуть посерьезнее.
Утишить нрав,
Умерить прыть.
Ведь скользко

Хмельному
Да осенью
По темным улочкам
Ходить.
А сколько их,
Гуляк полуночных,
В пылу сорвавших макинтош,
Не разрешив
Конфликтов уличных,
Наткнулось сослепу
На нож?
Ах, как беду предвидя близкую,
То холодея,
То горя,
Болело
Сердце материнское...
На этот раз —
Увы! — не зря.
Растаял сын,
Как дым над речкою,
Оставив матери родной
По самый гроб
Тоску навечную
Да серый холмик
Земляной.
И внук
(Уж батьке так потрафил бы
Фамильной смуглостью лица)
По слабой только фотографии
С рожденья
Будет знать отца.
Простилась мать навек с надеждами.
И под бровями
За три дня
Засохли
Черносливы прежние

И тускло
Смотрят на меня.
Не притупили годы лихо то.
И я под сердцем чую лед,
Когда она
Такая тихая,
Такая смиренная
Идет.
И, на пирах целуясь с пьяными,
Я жгу табак
И рву баян.
Но,
Вспоминая просьбы мамыны,
Отодвигаю
Свой стакан.

* * *

Прошла моя пора довольства и веселья,
Чудачеств и безумств минувла полоса.
Давно мои леса горят огнем осенним
И холодом болотным веют небеса.
В реке моей угрюмо воды потемнели
И камни бородою бурой обросли.
Как ребра сквозь рубаху,
Выступили мели,
И выросли коряги
Как из-под земли.
Зачем опять, томясь какой-то странной жаждой,
В вечерние луга мои уходишь ты,
Неужто на ветру, остылом и протяжном,
Не грустно собирать померкшие цветы?
Не больно их потом вплетать неторопливо
В нестройный и тугой девический венок,
А, поиграв, шутя забыть его под ивой,
Чтоб утром изжевал какой-нибудь телок.
Не надо, не ходи под темные березы,
Не надо, не стучи в погасшее окно.
Ты горькие мои прорвавшиеся слезы
За «звезды вдохновенья»
Примешь все равно...

Учит время творящее:
Приближая грядущее,
Созидать
Настоящее,
А не клясть
Предыдущее.
Прошлый век, мол,
Зачуханный,
Весь засиженный мухами,
Шибко мутен
Да лапотен,
Сивобрюх
Да безграмотен.
Только славится время то
Не нитьем побирушки:
В двадцать семь —
уже Лермонтов,
В тридцать семь —
уже Пушкин!
И душа не смиряется
С расточительством диким,
Собирает,
Старается
Предков лица
И лики.
И безродных не слушая,
Вся в заботах о сущем,
Уплывает
В минувшее,
А всплывает —
В грядущем!

Ко мне приходит пониманье
Не в результате наставлений,
Расшатывая
И ломая
Каркасы
Прежних представлений.
Уже никто не обморочит,
Под мягкой замшей
Когти пряча:
Предвижу сразу,
Чем закончит,
Хотя совсем с другого
Начал.

В прямом ответе за потомство —
Рожденный для любви и дружбы —
Предупреждая вероломство,
Исправным
Содержу оружие.
А мне хотелось жить иначе,
А мне хотелось жить открытей:
Не заносить кулак
Для сдачи,
Не возводить тайком
Укрытий.
Но день опять приходит
С вестью,
Что час для новой битвы
Пробил.
И сердце
Обрывает песню
В ветвях
Качающихся ребер.

И жестко расставаясь с нею,
Я неизменно замечаю:
Я с каждым утром
Все сильнее,
И с каждым вечером
Печальней...

Какая свадьба без гармонии,
Коль говорить без куражу?
Возьму гармонь
В свои ладони
И на колени
Посажу.
По тонким ребрышкам поглажу,
Прижмусь щекою горячо.
И вдруг она сама —
Сама же! —
Ремень забросит
На плечо.
И понесет меня по кругу,
Крича на весь воскресный бал,
Что никогда
Свою подругу
Я никому
Не отдавал.
Что виноваты
Супостаты,
Смальства погрязшие в грехах,
Что были
По пять раз женаты
И снова ходят
В женихах.
Гармонь замрет на полуслове,
В сердцах
Загнав последний клин,
И не одни колени сломит,
И взгляд потушит
Не один.

Потом вокруг посмотрит гордо —
И не добавит ничего.
И перехватит словно
Горло
Враз
У засталия всего.
И не найду я больше места,
И убегу — больной — домой.
И только тут
Поймет невеста,
Что понаделала
Со мной.

Хочется жить и работать
В этой тиши и глуши.
Только не просто
До пота,
А до восторга
Души.
До восхищенья
И пенья,
До озарений святых,
Само — себя — уваженья
И обожанья других.
Так захотелось работать,
Что, уловив
Эту страсть,
В небе родном
Позолота
Впятеро ярче
Зажглась.
Вновь засветилась участием
И задышала листва,
И покатила от счастья
Вдоль борозды
Голова.
Вдоль разогретого рельса,
Между колес —
Не бойсь!
Что ж! Покатайся,
Потешься,
Только на плечи
Вернись...

* * *

Больше крупных не будет сомнений:
Мы стоим, как в траве до колен,
На пороге
Больших изменений,
У истока
Крутых перемен.

Не считай, что молчу — так смирился,
Не гляди, что не пробую крыл...
Я пока ни в кого не влюбился,
Но тебя
Я уже разлюбил...

. . .

Я для тебя — ненужный человек,
Поскольку жизнь веду
Недорогую,
Иконами подпольно
Не торгую,
Валютой
Не жонглировал вовек.

А ты необходим в краю любом
Для всех, кто ищет счастья
В одночасье
И принимает
Лишь такое счастье,
Чтоб было
С оттопыренным зобом.

Что возразишь или изменишь тут?
У всех свои комедии и драмы.
Но именно над вами
Честный люд
И суд вершит,
И точит эпиграммы.

ОТСТАВКА

Все ходил затянутый и важный,
Преисполнен гордости и сил.
И не одному
И не однажды
Пальцем —
Указательным —
Грозил.
Но прослыть желая
Добрым малым,
Самых ярых
Местных подпевал
По плечу
Похлопывал, бывало,
Хоть к себе
На шаг не приближал.
Говорил
Как будто через силу,
Мямлил
И сопел, смыкая рот;
Все его, похоже,
Тяготила
Ноша
Государственных забот.
И, видать, вверху
Порассудили:
Мол, устал товарищ
И — давно.
Враз
От всяких дел
Освободили.
И от ноши этой
Заодно.

Вздых невольный
Выпустив наружу,
Между тем —
Без войска генерал —
Так затосковал
И занедужил,
Словно мать родную
Потерял.
И теперь
Уже его преемник,
Посвежее несколько
На вид,
И доступен в меру,
И добренек,
На него
Сочувственно
Глядит.
А того почти свели
Недуги,
И давно не нужен
Пьедестал:
Он себе, наверно,
На досуге
Истинную цену
Осознал.
Потому что вдруг
Расслабил плечи,
Распружинил грудь:
Не на посту.
И, с улыбкой двигаясь навстречу,
Руку тянет
Чуть не за версту.
Но никак не хочется,
Поверьте,
Отвечать
На этот добрый гул.

Вот бы если б
Ранее приветил
Да мундир
При встрече
Расстегнул...

РАЗГОВОР С СОБАКОЙ

Хозяин твой, однако,
Не зря багров как медь.
Всю жизнь тебе, собака,
Цепью греметь.
Не раз —

с поличным —

к части

Бывал доставлен он.
Но — мастер,
Ох мастер
Обходить закон.
А ты-то, пес, конечно,
Не знаешь ничего.
И стережешь прилежно
Имущество его.
И так усердно лаешь
На шум любых колес.

Кого ты охраняешь,
Кому ты служишь,
Пес?

...Ах, если б знали псины
Хозяйские дела —
Наверно б, половина
Бродяжничать ушла.

ВЫМОГАТЕЛЬ

Бывают же назойливые люди.
Одним — забава,
А другим — беда.
Нет, он шуметь в присутствии
Не будет,
Зато и не исчезнет
Никуда.
Нет, он займы
Не станет клянчить трешку,
Но намекнет,
Что вот-де,
Без гамаш...
Исподовольно,
Вроде понарошку,
А выжмет —
И пиджак ему отдашь.
Он вечно обойден углом и славой,
И видом всем
Как будто говорит:
Ну, поглядите же,
Какой я слабый,
И выдайте
Хотя бы закурить.
И спать-то негде,
И укрыться нечем,
И язва у бедняги,
И колит...
И давит,
Давит медленно на печень,
Хотя и без него
Она болит.

И все ему дается,
Удается,
Юлит,
Клянется в верности святой...

Но как в душе
Наверно, он смеется
Над нашей
Неразумной простотой.

* * *

Две собачки в коридоре,
Отыскав случайно кость,
Проявили в разговоре
Непростительную злость.
Но, поняв свою ошибку,
Вместе выкатясь во двор,
Сели рядышком под липку
И замяли разговор.
Но продолжили хозяйки
Их начальный диалог...
Чужемужние фуфайки
Побросали за порог.
Дружка дружку
В дикой злобе
Ухватили за платки.
Хорошо, что утром
Обе
Натянули парики.
И одна кричала птица:
«Это наша половица!»
А другая билась насмерть:
«Неужель?
Купила разве?»
Каждый день рубилось войско
От семи и до семи.
Выражало недовольство,
Громко хлопая дверьми.
Видя это,
И собачки,
Задирая шерсть опять,
Как-то начали

С горячки
Отношенья выяснять,
...В нашем доме
Будут драки,
Будут драки с этих пор,
Потому что
Две собаки
Не поделят коридор...

* * *

В нашей старой больнице
Не густо палат.
В них народу набито,
Как в бане.
Потому и лежит
Пожилой лейтенант
В коридоре
На жестком диване.
Он лежит и молчит,
Хоть и знает,
Что есть
Там,
В конце коридора,
Палата...
Но ее занимать
Предоставлена честь
Выдающейся личности
Града.
Эта личность
Не носит военных наград,
На арене не трудится
Магом.
Но зато
По утрам надевает
Халат
И заведует
Местным продмагом.
У больничных начальников
Много хлопот,
И у них обожателей
Масса.

Но начальники
В принципе
Тоже народ.
Любят хлеб.
Предпочтительно с маслом;
А больным не до шуток:
Какой уж там смех.
Им не снилось
Такого подарка.
И страдает за всех,
И всегда больше всех,—
Бабка Поля.
Душа.
Санитарка.
Та, что утки выносит
И судна скоблит
И лежачего с ложечки кормит,
И недобро
В конец коридора глядит,
Потому как не ест
Больше нормы.
Я пишу эти строки,
Краснея и злясь,
И невольно краснеет
Бумага,
Оттого
Что в отдельной палате,
Как князь,
Процветает
Умелец продмага.

ЕРШОВАЯ УХА

(Басня)

Уж больно боек был, сердешный...
Ведь я его как на духу
Предупреждал:
Нельзя поспешно
Хлебать ершовую уху.
Он посмеялся, как поквакал:
«Не бойся,
Я ученый гусь.
Я, кроме болезни рака,
Ни-чо на свете
Не боюсь».
И вдруг опять заторопился
Да на уху как приналег!
А ершик, видно, изловчился
И встал в гортани
Поперек.
Спасли бы, может,—
Жил бы сокол:
Уж не жалели люди сил.
Но слишком он его глубоко,
Костлявого-то,
Заглотил.

Мораль:

Ведь как коварна жизнь, однако.
Вот человек, сказать — душа;
Всю жизнь боялся только рака,
И нате:
Помер от ерша.

ПОМОЩНИЧЕК

(Шутка)

Стирали с матушкой белье.

Иначе роли не поделишь:

Руководящая —

ее,

А исполнительная —

мне уж.

Не разогнул с утра горба,

А к ней уже вернулись песни,

Хотя была еще слаба

После испытанной болезни.

Полы скоблили веселей

И рамы радостнее мыли.

Распределение ролей,

Понятно,

Оставалось в силе.

Потом во двор я вышел, чтоб

Взглянуть, как нежен снег блескучий.

Но показался мне сугроб

Белья нестираного

Кучей.

К исходу действенного дня

Так истомился я от поту,

Что потянуло вновь меня

В руководящую

Работу.

СЛУЖЕНИЕ

Литература — мать родная,
Он все тебе отдал, что мог:
Души великой
Свет без края,
Любовь,
Которой жил, страдая,
Здоровья — тьму.
И — видит бог:
Жену —
И ту не поберег.
Горел всю жизнь
Единым жаром,
Варился лишь в одном котле.
Подобных рыцарей, пожалуй,
И не осталось на земле.
И я смотрю
На это чудо,
За свой язык
И землю горд.
Да, можно быть
И жить,
Покуда
Не перевелся
Этот сорт,
Не признающий страх и леность,
Чудак,
Но вовсе не простак.

И вновь
Служение и верность
Я понимаю
Только так!

ЗНАКОМОЙ ПОЭТЕССЕ

Двадцать строк родить — не штука,
Поднатужься — и вперед.
Современная наука,
Только свистни,
Подмогнет.

Чик да брик — всего и дела!
Хоть ни буковки не правь.

...Нарожать-то
Ты сумела,
Жить
Попробуй-ка
Заставь.

Какое там, к лешему,— страх...
Напротив:
Уверенность в силе!
Впервые
В святых небесах
Великую брешь
Проломили.
И, в звездной купаясь пыли,
О подвигах мысля едва ли,
В бездонную бездну
Сошли
И
Ножками там поболтали.
В пронизанной счастьем душе
Не вдруг возникает тревога.
А ревом ревела уже
К чужим полигонам
Дорога.
Горела, вздымаясь, земля,
Считала рубцы и убытки,
И небо металось, скуля,
В предчувствии лазерной пытки.
То ужас рождая в душе,
То смуту, которой довольно,
На небо
Старушки уже
Взирают не столь богомольно.
И слышит в ночи инвалид,
Как, сдержанно пробуя голос,
Сквозь дыры и щели свистит
На нас наступающий
Космос...

СВЕРХУ

Юрию Федорину

Как рыхлые льдины,
Плывут под крылом облака.
Как темные воды,
Меж ними зияют глубины...
И так необъятна
Безбрежная эта река,
Что вечностью веют
Открытые взору картины.

И все это вроде
Сложилось столетья назад,
Остыло и стало
Былого немим отраженьем.
В такой величавости
Нету особых услад,
Как нет и желанного божеской твари
Движенья.

Глядишь с верхотуры бесстрашно
Средь прочих других,
И мысль забалует:
Подумаешь, тоже мне — выси...
Но сердце-то знает:
В конечном итоге
От них
И гибель, и жизнь,
И грядущее наше зависит.

* * *

Ну что ж, Армения, прощай...
А может, все же — до свиданья?
Мне полюбился гордый край,
Его упругие названья
Селений горных,
Шумных рек
И улиц пламенной столицы.
Где полной грудью дышат птицы
И полной жизнью —
Человек.
Я постараюсь уберечь
Среди рассеянности прочей
И обжигающую речь,
И прожигающие очи.
Но час пробил. Уже ревет
Нетерпеливый самолет,
Да так, что искры,
Гром и чад
Из всех ноздрей его
Летят.
Но что нам!
Пусть несет вперед.
Не страшно — рытвина ли, яма.
Я разгляжу с любых высот:
Навстречу родина,
Как мама,
Слезой озерною
Блеснет...

Умереть, не дождавшись того,
Чтобы звуки померкли и краски.
Умереть, пока есть божество —
Лебединое кружево сказки.
Пока вьюга дымится на льду,
И снегирь
Так воинственно ярок,
И на елке,
Мелькнувшей в саду,
Не потушен морозный фонарик.
Пока ухают темень и мрак,
И вздыхает рассвет осторожно.
Чтоб случилось —
Да что-то не так —
И представить себе невозможно.
Вдруг погаснет в печи колдовство,
Шелестеть перестанут колосья?..

Умереть — до того, до того.
И ни в коем уж разе — не после.

Как непростительно мы постарели...
Словно в болотной норе отсырели.
Смазан восторг.
Разве об этом когда-то мечталось?
Слабость и вялость, жалость и старость —
Вот так итог...

Что же теперь нам прикажете делать?
Ночь наступает, хоть, кажется, девять
Бьет на часах.
Прежде об эту счастливую пору
Вылетишь на́ берег, выпорхнешь к бору —
Звезды в глазах.

Как пронеслись оглушительно годы,
Полные света, любви и свободы,
Жара в груди.
Все еще помнится: школа да клумбы,
Рядышком где-то вокзальные тумбы...
Все позади.

Только одно утешенье осталось:
Дети встают — и забота, и радость,—
Жизнью горя.
Значит, не зря ты метался, скитался,
Нервы трепал и слезой умывался —
Значит, не зря!

* * *

Останутся эти деревья,
Останется в зелени пруд,
Как знаки любви и доверья
Ко всем, что ушли и уйдут.

И пусть это чудо земное,
Светившее сердцу года,
Не взять на прощанье с собою,
Зато не забыть никогда...

ПОЭМА

СТУДЕНТЫ ЕХАЛИ НА ДАЧУ

Засунув мячик в чемоданчик,
Под барабанный бой колес
Студенты ехали на дачу,
Точнее — ехали в колхоз.

Им все мерещилась деревня,
Где в палисадниках деревья,
И что ни новая изба,
То над окошками — резьба.

Под горкой — с камушками речка,
Резва, прозрачна и беспечна,
А в речке — лебеди да гуси,
За светлой речкой — темный лес,
А в нем — и рыжики, и грузди,
И лес; конечно, до небес.

В нем не берлоги, а чертоги
Мерцают, блестками слепя...
Так будущие педагоги
Наивно тешили себя.

Не разоряясь на постели,
Не признавая домино,
Студенты ехали и пели,
Смотря в вагонное окно,

Где за далекими буграми
Березы — в замети ветров —
Качались желтыми шарами
На белых ниточках стволов.

Осины — праздничные — рдели
На самом краешке земли.
Казалось, с флагами деревья
На демонстрацию пошли.

И возбужденные ребята
Катили дальше с мыслью той,
Что от восхода до заката
Им упиваться только мятой
Да наслаждаться красотой.

А я лежал на верхней полке
И, созерцая облака,
Не обольщал себя нисколько
Картиной дачного мирка.

Поскольку — прочих не капризней —
Моя судьба щедрей была
На десять лет мякинной жизни
Послевоенного села.

Ухмылок от ребят не пряча,
Я их сердец не бередил,
Но сам-то знал, какая дача
Нас ожидает впереди.

* * *

Эх, дорога ты, дорога...
Вой и скрежет, грязь и трясь.
И к чему ругаться в бога,
Коль повинна местна власть.

Паренек рулит, весь в мыле —
Только дыбится земля.

Неплохие, видно, были
У него учителя.

Покрутили меж воронок,
Поторчали в колеях,
Поднатужили силенок,
Покричали — «ух!» да «ах!».

Были всякие причины
В топь нырять, машины рвать.
Вот и младших обучили
Молча гать одолевать.

Глянешь: снова у начальства
Совесьть вроде бы чиста...
У начальства очень часто
Матерьялов «не хвата...»

Впрямь недодано немало...
Уж какой там блеск и лоск?..
Недостало матерьяла
Даже им самим — на мозг.

Вот и маются парнишки
В бездорожной колотьбе
И сажают на лоб шишки
Пассажирам и себе.

Проклинают деревеньку
Непролазную опять,
Привыкают помаленьку
Мать не к месту поминать.

За растленье только это,
За поруганную речь
Тех начальников к ответу,
Право, стоило б привлечь.

Что ж, спасибо, шофер, за доставку,
 За лихие твои виражи.
 Сигарету прими как надбавку
 Ну, а руку — на дружбу держи.

Не забудь наше шумное братство,
 Приворачивай на огонек.
 Может статься, и так оказаться —
 Разгуляется завтра денек.

Принарядятся наши девчонки,
 Наведут на постое уют
 И свои приунывшие челки
 Гребешками умело взобьют.

И тебя, как дорожного бога,
 Превозмогшего слякоть и мглу,
 Повстречают светло у порога
 И усадят в переднем углу.

Ничего, что не полная чаша,
 Но в ромашках и лютиках стол.
 «Ах ты, Паша! Да радость ты наша!
 Да с чего же ты долго не шел?»

За спиною твоею, посади,
 Не нарочно скорее всего, —
 Еле слышно на стульчик присядет,
 Право, Паша, само божество.

Взор доверчив, но скрытна улыбка
 И печальной усталости след.
 А над русой головкою зыбко
 Ореолом колеблется свет.

Ты конечно же парень не промах...
Но впервые от этих бровей
Станет тесно в просторных хоромах
Спотыкнувшейся крови твоей.

Ты ослепнешь и речь потеряешь,
На мгновенье впадешь в забытье,
Снова чутко и сдавленно станешь
Сердцем слушать дыханье ее.

Мы такое — свое — пережили:
Торжество, колдовство, волшебство.
И пока будем живы — не лживы,
В суете не забудем того,

Как душа ликовала и пела,
Разжигая пожары в крови
И просила великого дела
И, конечно, во имя любви.

Может, после казарма и служба
Отвлечет от эфирных красот,
И вдобавок армейская дружба
Коррективы в мышленья внесет.

Но ничто не остудит до срока
Молодого кипенья души,
И девичий светящийся локон
Будет виться и сниться в тиши.

Только, Паша! Чем дальше и старше —
Подтвердит вездесущая твердь:
Недоступное имя Наташа
Будет втрое больше гореть.

Сеет морось, будто из лукошка,
Треплет ветер мертвую ботву.
Медную, как зарево, картошку
Сыплем на увядшую траву.

С мозглого утра и до полудня,
Зло косясь на рваные кули,
Золотые самородки клубней
Молча вырываем из земли.

И хозяйским оком ловим цепко:
Каждый к ним по-разному влеком,—
Кто-то выковыривает щепкой,
Ну а кто — и в землю каблуком.

Моросит уже вторые сутки,
Небо все провислей и мутней.
Поутихли шутки-прибаутки,
Вздохи стали слабже и слышней.

Всем не гладко, никому не сладко.
И навек запомнится, ей-ей,
Эта «золотая лихорадка»
Северо-картофельных полей.

Девочка, от стужи безголоса,
На коленках роется в земле,
Да тайком пошмыгивает носом,
Всхлипывает, вспомнив о тепле.

Ломит перетруженную спину,
Мгла перед глазами — не к добру.
Кто-то сплюнул под ноги и двинул
Сапогом по ржавому ведру.

И тогда сказал не без кручины
Мой напарник, смуглый, точно грек:
«Тоже мне хозяева... всучили
Пять лопат на двадцать человек!»

Все очнулись будто, загудели:
«Это что же, братцы, в самом деле...
Где же бог — технический прогресс?
Мы в каком живем, простите, веке?»

«А забота где —
О человеке,
Где материальный интерес?»

«Не об этом главная забота!
Нам нужна разумная работа».
«На проблемы нужен трезвый взгляд.
Трактор изломался — и не просим.
Но торопит — всех торопит! — осень.
Так подкиньте дюжину лопат».

«Или лошаденку снарядите...
Жерновами как-то покрутите,
Если вы хозяева земли!»
«Да не худо б — на поле кормежку,
Чтобы ту же самую картошку
Мы в костре часами не пекли».

«В общем-целом, подытожим, братцы.
Нам пора самим за вожжи браться.
Значит, надо, зря не мельтеша,
Осознать несовершенство мира,
Подкатить под окна бригадира
И поговорить с ним по душам!»

Не успели. Прямо через поле
Сам он — и надежда, и оплот,—
Словно сгусток твердости и воли,
К нам в бушлате стеганом идет.

Непорядок чувствуя заране,
Всех настороженно оглядел:
Это что еще, мол, за собрание
И отлынивание от дел?

Приподнял тяжелый подбородок,
Сдвинул брови, выстеклил глаза.
Словом, как поется у народа:
Явно надвигается гроза!

Только что студентикам бояться?
Все им в эти годы нипочем:
«Бригадир, давай без декораций
Лучше сразу к действию перейдем.

Нам волынить — во как! — надоело,
Потому и разговор прямой:
Или ты налаживаешь дело,
Или отправляешь нас домой.

Нам рубля достоинство дороже,
Не рвачи мы и не хохмачи.
Если сам решить вопрос не можешь,
Тем, кто может, перепоручи».

Он молчит. Вдыхает воздух волглый,
Он катает клубень в пятерне
И — соображает слишком долго:
Как ответить этой ребятне.

Наконец, смущенный, но не шибко,
Опытный нацеливает глаз
И с полуудавшейся улыбкой
Сожалеюще глядит на нас.

«Патриоты... Лишь кричим до пота:
Мы — твое грядущее, страна!
А приперла черная работа —
Сразу — наше дело сторона?»

Тяжело глядит и отчужденно,
Как отрекшийся — на образа;
Опускают девочки смущенно
Чуть не виноватые глаза.

Но Наташа, птица-голубица,
Вдруг решительно смыкает рот,
Поднимает медленно ресницы
И выходит с вызовом вперед.

И откуда в этом легком теле
Столько непреклонной прямоты?
А слова о деле все, о деле
Горечью свинцовой налиты:

«Неужели перед этим полем,
Небом (пусть не льющим благодать)
По своей — к тому же доброй! — воле
Можно, изворачиваясь, лгать?»

Почему, коль оправдаться нечем,
Истине отучены служить,
Мы свою вину на чьи-то плечи
Тут же норовим переложить?

Да, мы сможем, непременно сможем,
Если горе вынудит опять,
Слитки подмороженных картошин
Из земли ногтями выскрести.

Мы отринем сон, забудем праздник,
Если будет надо для страны.
Но сегодня ей нужны не фразы —
Позарез работники нужны.

До сих пор мы — и чрезмерно часто —
Позволяем с помощью властей —
Ездить на хребте энтузиастов
Демагогам всяческих мастей.

А не говоря обиняками,
В наш-то век, коли картошку взять,
То ее — не голыми руками, —
Конным плугом стыдно ковырять...»

Мы плотней сдвигаемся к Наташе,
Не скрывая в сердце торжества,
Потому что это наши, наши,
Глубоко хранимые слова.

...Бригадир молчит и шумно дышит,
Думая и веря в реализм,
Что непримиримость ребятишек,
Может быть, и есть — патриотизм.

* * *

О стариковские беседы
Вечерне-благостной поры.
Неторопливы, как и деды,
И точно их глаза — мудры.

Наташа сызмальства любіла
Тишком забіцца в уголок
И слушать, как сии светила
Ведут незряшный диалог.

И нынче выпала удача:
За молоком отряжена,
В избе — натопленной впридачу —
Сидит и слушает она:

«Кому не сладки речи гладки,
Преподносимы на обед?..
Уж так на патоку-то падки
Иные были — спасу нет».

«Да, виноваты, видно, сами,
Не только дядя виноват...
От перекорма-то сладостями
Доселе зубы и болят».

«Да ведь тошнехонько и сердцу
От этих сахарных кадил,
А надо кушать больше перцу,
Чтоб кровь гонял и молодил...»

Не все Наташа понимала,
Но сутью чувствовала суть.
При жизни бабушка немало
Успела в душу ей вдохнуть.

Ах, баба Катя, баба Катя...
Добрей не будет и родней.
Какие сказки на полатях
Ты пела внученьке своей!

О доброй славе беспокоясь,
Сумела главное внушить:
Трудиться надобно на совесть,
По совести дружить и жить.

Хоть сердце девичье не глухо,
Но облегченна голова...
И пролетали мимо уха,
Быть может, главные слова.

И потому все неминучей
В Наташе с некоторых пор
И вызревал, и тяжко мучил
В себя нацеленный укор.

Громя кресты и храмы руша,
Ругаясь в господа и в мать,
Давно ль мы стали дедов слушать
Тем паче — сердцем понимать.

Их опыт вроде бы не нужен,
(В чести науки о земле),
Строптивы, да и вид недужен,
И перспектива — на нуле.

Но — всяк имей свое мерило!
И у Наташеньки моей
Оно, конечно, тоже было
И — соответственное ей.

Ее наставниками стали
Сыны истории большой —
Творцы с нелживыми устами,
Борцы с нелживою душой.

И неспроста она тянулась
К бескомпромиссным старикам,
Что пожалеют «божью глупость»,
Но уж не спустят дуракам.

Их не обманешь цифрой-буквой.
Понагляделись, как в страду
Бабенки бегали за клюквой,
Чтоб лишний рубль иметь в ходу.

Как добрым людям на потеху —
В тоску, в мороз несытых зим:
Когда комиссии приехать,
Тогда и крупы — в магазин.

Издревле старческое око
Могуче опытом веков.
И зрит оно зело глубоко
И прозревает далеко.

На всё сундук особых мнений
(Пожито было на земле...)
И кой-кому от их суждений
Порой икалось и в Кремле...

Честны их пасмурные лица,
Крута их праведная злость:
Ведь все затем и говорится,
Чтоб лучше на Руси жилось.

И я, давно не малолетка,
Иных дослушать не могу:
Мол, наша критика нередко
Играет на руку врагу.

А что нам недругов бояться,
Когда мы — с правдою на ты —
До кончиков — до самых — пальцев
Здоровы будем и чисты.

А не страшнее слышать разве
Провозгласившим коммунизм,
Как незалеченные язвы
Наш разъедают организм?

И потому я рад, что часто,
Не в силах выдержать тоску,
Ругают старые начальство
И пишут жалобы в Москву.

Пусть никакие там не князи,
Но, ставя жизнь в родном краю,
Не притерпелись к разной грязи
И не признали за свою.

Они и по сей день солдаты,—
Не в первом, может быть, ряду —
Но Время выдало мандаты
Им в девятнадцатом году

И говорить, и думать прямо.
И навсегда его печать
Невытравляющимся шрамом
Синеет резко вдоль плеча.

* * *

А Паша наш ходил кругами,
Наташу неотступно бдил,
Считай, и днями, и ночами
Как конь на привязи ходил.

Все ждал удобного момента,
Ловил хоть искорку в глазу:
«Я скоро вам корреспондента
Из местной прессы привезу».

Ах, Паша, Паша... счастье зыбко,
Как эхо в выбитых лесах.
Я сам ловил ее улыбку,
Я сам тонул в ее глазах.

В ней было тайное начало.
И хоть она — скромна, мила,—
Себя нигде не выделяла,
Но исключением была.

В ней мысль жила. Под этим небом,
В неразберихе и тщете,
Та мысль сравнима, может, с хлебом
По существу и простоте...

То мысль о Родине родимой,
О древней матушке своей,
Которой так необходимо,
Чтоб дети помнили о ней.

А эта девочка умела
С младых ногтей копать и жать,
Косить-копнить и — главное дело:
Одна скотину обрывать.

Она в архивах пропадала,
Конспектов груды извела
И на субботниках немало
Дворов и улиц подмела.

Подружкам, баловням природы,
Старалась главное внушить:
Чтоб стать учителем народным,
К нему поближе надо быть.

В себе воспитывала душу,
Поняв: бездушный гражданин
Отечеству не больше нужен
Чем, скажем, треснувший кувшин.

Такие в ней ветвились мысли
К еще неполным двадцати.
...И нам с тобой до этих высей
Пора бы, Паша, дорасти.

* * *

Пашуня все-таки напрягся —
Корреспондента приволок.
Поинструктировал у прясла,
Потом повлек во свой домок.

Газетчик был неглупый парень,
Обычай сельский уважал:
Сначала он чайку запарил,
Потом на лавке полежал.

Осведомился: есть ли банька
И утоляют жажду — чем?
А то азовская таранька
В портфеле высохнет совсем.

Когда ж нагнали жару-пару
И он добрался до полка,—
Хоть подавай наверх гитару:
Настолько стала речь звонка.

Почуяв связь с родным народом,
Принялся суд над ним вершить:
Мол, с банькой, садом-огородом
В деревне людям — что не жить?

Навалом трав, в избытке солнца...
А мужику, который пьет
С рожденья воду из колодца,
Не нужен наш водопровод.

Потом еще о чем-то брякал.
Кажись, про быт и ложный стыд.
И мне подумалось: однако
Пора парнишке поостыть.

А то, живя тепло и сыто,
Похоже, он со школьных лет
Настолько правильно воспитан,
Что для сомнений места нет.

Скорей туда его, на поле,
На дождь, на ветер, на простор,
Чтоб он понюхал вольной воли
Да заодно глаза протер.

Сначала двинулись по фермам,
Потом по новым мастерским,
И Паша вышагал, наверно,
С десяток верст совместно с ним.

А напоследок вывел все же
Корреспондентика того
К студент-столичной молодежи —
Птенцам педвуза самого.

И здесь наслушался служитель
Родной печати областной,
О чем умалчивает житель
Сторонки дальней и лесной.

Громов Наташиных и молний
Одних — на целый матерьял!
Не знаю, что газетчик понял,
Но утвердительно кивал...

Двужильны жители деревни
Под небом северной судьбы.
...О ты, деревня — край передний
Большой работы и борьбы.

И как-то выглядит нелепо,
Коль признаваться не юля,
Что нам понятней стало небо,
Чем наша кровная земля.

Земля, с которой хрипли, сипли,
Делили шрамы и рубцы,
За жизнь которой шли и гибли
И деды наши, и отцы.

Так что такое приключилось?
Ведь землю мы — родную мать —
Не то чтоб просто разучились,
А не желаем понимать.

Хотя (за прозу не взыщите)
Земля, даруя детям жизнь,
Сама нуждается в защите,
Как всякий хрупкий организм.

Не защитит ее всевышний:
Иной устав, иной режим...
Мы ж от ответственности лишней,
Как черт от ладана, бежим.

А в свете этого недуга
Да посмотреть на бытиё,—
То человек-то по заслугам ли
Носит звание свое?!

Нет, оправданий больше нету,
И отступленья дальше нет,
И, может быть, из всех ответов
Остался лишь один ответ,

Что вот об этом, не окольно,
А напрямик пора пришла
Со всесоюзной колокольни
Греметь во все колокола.

* * *

С утра известьем растревожен,
Что расставанья близок миг,
Пашуня вдоль полей и пожен
Гонял колхозный грузовик.

Визжа как будто с перепугу,
Студентки галились не зря,
То ль с осужденьем на подругу,
А может, с завистью смотря.

Наташа глазками косила,
Румянец пыхал по лицу.
И — сдерживать себя не в силах —
Пошла навстречу молодцу.

«Ну, что ж ты, Паша, совесть наша,
В бидонах квасишь молоко?
Не видишь разве, что Наташе
Прощаться тоже нелегко...

При всех пылаю, аки роза,
А ты из труб пускаешь дым.
Вот сдашь продукцию колхоза,
Под вечер и поговорим...»

Потом при утренних зарницах
Он признавался ей, что — да,
Нигде: ни здесь, ни за границей
Такой не видел никогда.

И очень просит, даже — молит,
Не говорить, что, мол, не люб,
Поскольку он не только молод,
Но и совсем еще не глуп.

Бывал на съездах делегатом,
Сфотографирован с вождем,
Служил в Германии солдатом
И за отвагу награжден.

И сердце девичье стучало,
Звучало в сенцах золотых.
И это было лишь начало
Большой и доброй дружбы их.

Ведь песнь любви уже запета.
Душа, ликуй и торжествуй,
Поскольку нет тебе запрета
На самый жаркий поцелуй!

Наташа охнула, краснея,
И прядку сдвинула со лба,
Чтоб видеть, видимо, яснее,
И где, и в ком ее судьба...

* * *

Вот и нашему месяцу
Обходной выдан лист.
Дни ступеньками лестницы
Сверху вниз пронеслись.

В перспективе — дорога,
Маета и нуда.
Все же грустно немного
Отъезжать в города.

Молоко — на закуску,
И на сбор — полчаса.
А под дождиком тусклым
Полыхают леса.

Кто-то весело шутит,
Подсчитав медяки:
«А не тяжело ли, люди,
Вам носить кошельки?»

Отвечают басами
Удалые сыны:
«Слава богу, что сами
Не остались должны».

«Запевайте «Разлуку» —
«Экипаж» под окном».
Бригадирскую руку
Настороженно ждем.

Никакого прогиба!
Все достойно вполне.
«За заботу — спасибо,
За подводу — вдвойне».

Он басит сиповато
И сутулит пиджак:
«Не серчайте, ребята,
Если что и не так.

Приезжайте, работы
Вдоволь будет для вас.
Нам такие атлеты —
До зарезу сейчас...»

Вот и песня запета,
И летит над землей.
Уезжают студенты
Из колхоза домой.

А деревня, что клонит
Ветви старых ракии,
Из-под жесткой ладони
Им вдогонку глядит.

Шепот катится следом:
«В добрый час, молодцы,
Будьте мудры, как деды,
И крепки, как отцы.

Силу зря не теряйте...—
И опять: — В добрый час!
Поезжайте, но знайте:
Вся надёжа — на вас...»

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

«Страшно бывает заснуть...»	5
«Приезжаю в родную столицу...»	7
«Тяжелый снегопад...»	9
«Думал, нет ни знакомых, ни близких...»	10
«За чаем, горячим и вкусным...»	11
«Оставь меня в моем ненастье...»	12
«Утрачена уютность отношений...»	13
«Куда от правды убежишь...»	14
«Как это вышло? Как случилось это?..»	15
«Не ревнуй меня, не надо...»	16
Свинство	18
Охотничьи приготовления	19
«Нет больше сил. Все вытянуло время...»	20
Вот так...	21
«Опять мы хороним поэта...»	23
«Пролетели весенние воды...»	24
«Учитель нас нацеливал не так...»	25
Взгляд	26
В больнице	27
«Вот и все: обезлюдели скверы...»	29
«Не вымолить большего блага...»	30
«Желаю дерзости друзьям...»	31
«Словно где-то брякает уздечка...»	33
«Сияющий зенит...»	34
«Газетчики районного масштаба...»	35
Из отпуска	37
«Не вся седина — серебро...»	39
«То нервы, наверно, ослабли...»	40
Стихия	41

«В редкие минуты озаренья...»	43
«Отбили всякую охоту...»	45
Напоминание	46
Воспоминания о Заполярье	48
Несостоявшееся свидание	51
«Меня ночами будит дальний выстрел...»	53
Переподготовка	54
Недавние заботы	56
«Здесь труднопроходимые места...»	57
«Пусть будет все...»	59
«Грело солнышко, да село...»	60
«Неперспективная» деревня...»	61
«Смою шлак високосного года...»	63
Ухарь	64
«То дождик нудит по неделе...»	68
«Пошли ребята за грибами...»	69
«Такое утро затяжное...»	71
«Ну полно, не плачь над судьбою...»	72
На грани	73
Самооборона	74
Облепиха	75
«Недобрый попался старик...»	76
«Ты скажи-ка мне на милость...»	77
Памяти Александра Яшина	79
«Грозная политика силы...»	80
Письмо на ту сторону	81
«Москва поднимает кумира...»	83
«Заботясь о благе науки...»	85
«Посмертная слава — печальная слава...»	87
«Едва ли ты прожил излишек...»	88
«Сполосну лицо в народной речи...»	89
Декабрь 1982 года	90
«Повалили белые снега...»	91
В поселке	92
«Что-то беспокойно стало море...»	93
«Ну и сны являются со страху...»	94

«Мать говорила: «Зря ты, парень, так...»	95
Грешники	96
Горе матери	99
«Прошла моя пора довольства и веселья...»	103
«Учит время творящее...»	104
«Ко мне приходит пониманье...»	105
«Какая свадьба без гармонии...»	107
«Хочется жить и работать...»	109
«Больше крупных не будет сомнений...»	110
«Я для тебя — ненужный человек...»	111
Отставка	112
Разговор с собакой	115
Вымогатель	116
«Две собачки в коридоре...»	118
«В нашей старой больнице...»	120
Ершова уха (Басня)	122
Помощничек (Шутка)	123
Служение	124
Знакомой поэтессе	125
«Какое там, к лешему,— страх...»	126
Сверху	127
«Зачем я снова улетаю...»	128
«Ну что ж, Армения, прощай...»	129
«Умереть, не дождавшись того...»	130
«Как непростительно мы постарели...»	131
«Останутся эти деревья...»	132

ПОЭМА

Студенты ехали на дачу	135
----------------------------------	-----

Виктор Вениаминович Коротаев

ТРЕТИЙ ГУДОК

Редактор В. Н. Мальми
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редакторы Р. Я. Соколова, Г. В. Климушкина
Корректор Т. М. Павлюченко

ИБ № 5827

Сдано в набор 19.03.87. Подписано к печати 05.08.87. А 06726. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Журнальная рубленая гарнитура. Офсетная печать. Усл.
печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 5,76 Тираж 20 000 экз. Заказ № 232. Цена 65 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва,
ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600,
г. Тула, проспект Ленина, 109

Коротаев В.В.

К 68 Третий гудок: Стихи и поэма.— М.: Советский писатель, 1987.—160 с.

Новая книга Виктора Коротаева привлекает страстным, гражданским чувством любви к родному краю, его природе. Герои стихов — колхозники, сельские учителя, «газетчики районного масштаба» — люди большого чувства и активного дела. Именно о них главная дума поэта.

Читатель найдет в этой книге и картины северной природы, познакомится с любовной лирикой поэта.

4702010200—263

К _____ 201—87

08(02)—87

ББК 84 Р7